

УДК 327.82

ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЕННЫЕ МИССИИ В РОССИИ И ВОССТАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА

© 2019 г.

Е.П. Феськова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

pr.morse@gmail.com

Поступила в редакцию 18.07.2019

По причине отсутствия целостной картины событий, представляющей взаимосвязь восстания Чехословацкого корпуса с деятельностью французских военных атташе в России, проведен сравнительно-исторический анализ источниковой базы по рассматриваемому вопросу. На основе архивных документов (прежде всего ранее не опубликованных документов из Архива Министерства обороны Франции) сделан вывод о том, что, несмотря на многочисленные обвинения со стороны советской власти, распоряжений от правительства Франции относительно организации выступления в рядах Чехословацкого корпуса французские представители в России не получали, их самостоятельные действия также не были направлены на поднятие восстания. Ввиду необходимости подкрепления на Западном фронте зимой и весной 1918 года, основной целью Франции была транспортировка чехословацких военных в Европу.

Ключевые слова: французская военная миссия, выступление Чехословацкого корпуса, гражданская война, Антанты, союзническая интервенция.

Выступление Чехословацкого корпуса (далее – Корпус) против советской власти в России в мае 1918 г. тесно связано с военной интервенцией стран Антанты и наиболее острым периодом Гражданской войны. С самого начала событий советское правительство, в основном в лице народного комиссара по военным и морским делам Льва Давидовича Троцкого, обвиняло французских представителей в России в том, что именно они своими действиями спровоцировали это выступление. Французское правительство никогда не признавало справедливость этих обвинений.

Не решается однозначно проблема участия французской стороны в событиях мая–июня 1918 года и в отечественной историографии. Одни исследователи полагают, что выступление было намеренно организовано странами Антанты, а в первую очередь – Францией, с целью вовлечения Корпуса в конфликт с советской властью; другие же настаивают на том, что события отнюдь не явились следствием действий Антанты.

Наиболее ярко точка зрения о том, что Чехословацкий корпус выступил против советской власти по приказу правительств стран Антанты и при их непосредственном участии, выражена в монографии советского и российского историка Л.П. Белковец [1]. Автор полагает, что Франция и её союзники причастны к чехословацкому выступлению, поскольку они резко негативно отреагировали на требования совет-

ского правительства о разоружении Чехословацкого корпуса. Кроме того, Л.П. Белковец указывает на благодарность, которую французы выразили Чехословацкому корпусу после выступления. Французская сторона, по свидетельству Л.П. Белковец, в принципе являлась самым непримиримым врагом большевистской власти. Представленные выше выводы автор делает, прежде всего, на основе материалов из сборника «Документы внешней политики СССР». С тезисами Л.П. Белковец в целом выражают согласие В.В. Калашников [2], В.С. Скробов [3], Б.Л. Соколов [4].

Ряд исследователей, среди которых А.Н. Валиахметов [5], Ю.М. Галкина [6], В.Д. Камынин и П.И. Костогрызов [7], В.И. Шишкин [8], полагают, что действия французского правительства и членов французской военной миссии в России (далее – ФРАМИС) не носили заранее спланированный характер и сами по себе не могли спровоцировать выступление Чехословацкого корпуса. Профессор В.И. Шишкин в статье «Дипломатическая составляющая генезиса широкомасштабной гражданской войны на Востоке России (конец мая – начало июня 1918 г.)» отмечает, что во ФРАМИС осудили действия чехословацких военных. Делая такой вывод, автор опирается на документы из Государственного архива Российской Федерации. В частности, В.И. Шишкин обращается к стенограмме переговоров между большевиками и чехословацкими представителями, с участием ФРАМИС.

В документе говорится об угрозе со стороны французских делегатов снять с себя всякую ответственность за продвижение чехословацких эшелонов на восток до прекращения боевых действий. В.И. Шишкин указывает, что к конфликту привела непримиримая позиция советского руководства относительно сдачи Корпусом оружия.

В целом можно заметить, что многие исследователи, затрагивающие вопрос чехословацкого выступления и возможного участия в нем ФРАМИС, не дают однозначной оценки намерениям последней, что может быть вызвано комплексностью проблемы. Отметим также, что, когда в работах историков речь идет об ответственности иностранных представителей в России за выступление Чехословацкого корпуса, довольно редко конкретизируется степень участия непосредственно Франции. Чаще всего в этой связи упоминается Антанта в целом, что дает довольно усреднённую оценку действиям союзников. Таким образом, проблема участия французской стороны в описываемых событиях нуждается в более детальном и последовательном рассмотрении.

Ответить на вопрос о намерениях французского правительства и членов ФРАМИС представляется возможным посредством использования ранее не опубликованных документов из архивов Франции. Большинство вводимых в научный оборот документов, позволяющих раскрыть суть вопроса, было обнаружено в Архиве Министерства обороны Франции (*Service historique de la Défense*). Необходимая информация была найдена среди документов Главной квартиры действующих армий, Высшего военного совета, ФРАМИС, а также в фонде Жоржа Клемансо. Среди источников можно выделить копии и оригиналы телеграмм из Генерального штаба Франции, адресованные главе и членам ФРАМИС (апрель–июль 1918 г.), исходящую корреспонденцию Третьего бюро Генерального штаба (март 1918 г.), письма руководителей и членов Чехословацкого национального совета (далее – ЧНС) за период с марта по июль 1918 г., ноты и проекты нот Высшего военного совета Антанты (апрель–июль 1918 г.), документы Генерального штаба, содержащие обзоры ситуации в России (июнь 1918 г.), инструкции Военного министерства Франции (февраль 1918 г.). Кроме того, в работе использованы источники из Дипломатического архива Франции.

Прежде всего стоит кратко пояснить, почему именно французских представителей большевики чаще всего обвиняли в том, что они могли использовать Корпус по своему усмотрению и во вред советской власти. Для этого необходи-

мо уточнить, какое отношение Франция имела к чехословацкой армии.

После фактического крушения Восточного фронта французское правительство взяло контингент Чехословацкого корпуса в России под свою защиту [9, с. 80]. В январе 1918 г. Корпус был провозглашен автономной частью Чехословацкой армии, созданной во Франции на основе Чехословацкого легиона французской армии в декабре 1917 г. Учреждение Чехословацкой армии в составе армии Французской республики довольно четко регламентировалось. Так, чехословацкие военные подчинялись высшему французскому командованию, однако воевать против блока Центральных держав они должны были под своим флагом. Служба в рядах Чехословацкой армии приравнивалась к службе в армии Франции. Все приказы должны были отдаваться на национальном языке [10].

Еще в 1916 г. в Париже был создан представительный орган чехословацких эмигрантов – упомянутый выше ЧНС. Президентом ЧНС являлся профессор Томаш Масарик, генеральным секретарём – Эдвард Бенеш, вице-президентом – полковник французской армии Милан Штефаник.

Поскольку в составе русской армии также находились чехословацкие части, в 1917 г. в Петрограде, Москве и Киеве были открыты представительства ЧНС. Вице-президентом ЧНС в России являлся Й. Кармак, секретарем – Й. Клецанда [11]. Командные должности в подразделениях Корпуса занимали в основном русские офицеры [12]. Ввиду вхождения в состав новой Чехословацкой армии, контингент Чехословацкого корпуса, а также местные представители ЧНС находились в тесном контакте с членами ФРАМИС.

Французские представители в России прежде всего проводили на местах решения, принятые французским правительством. По этой причине давать оценку действиям представителей ФРАМИС относительно Чехословацкого корпуса можно только в контексте распоряжений и инструкций, полученных ими из Парижа. В то же время нельзя не принимать во внимание, что из-за сложности сообщения с Францией французские представители в России иногда были вынуждены действовать по собственной инициативе.

Прежде чем обратиться к содержанию вопроса, напомним о ходе развития событий, которые привели к выступлению Чехословацкого корпуса.

Ввиду необходимости скорейшей транспортировки чехословацких солдат из России на Западный фронт, для союзников, и в первую очередь для Франции, остро встал вопрос о направлении эвакуации. 26 марта 1918 г. союз-

ники достигли соглашения с советским правительством: части Корпуса, стоявшие под Пензой, должны были, частично разоружившись, следовать через Самару, Челябинск, Омск и Иркутск во Владивосток [9, р. 86–87]. Однако 21 апреля 1918 г. со стороны советской власти поступило распоряжение о приостановке продвижения Корпуса, что, по словам Троцкого, произошло из-за высадки японского десанта во Владивостоке 5 апреля 1918 г. и наступления войск белогвардейского атамана Г.М. Семенова. Высадка во Владивостоке затрагивала также интересы Германии, поэтому «опасаясь японского наступления в Сибири», она потребовала от Совнаркома прекратить движение чехословацких военных на восток и направить их на запад России [13, с. 119]. Кроме того, Л.Д. Троцкий заявлял, что одной из важнейших причин приостановки эвакуации стало отсутствие у него информации от союзников о предоставлении ими кораблей, необходимых для эвакуации Корпуса во Францию.

Солдаты и офицеры Корпуса восприняли остановку движения очень болезненно. Они опасались, что большевики выдадут их Германии и Австро-Венгрии. В этих условиях в Челябинске образовался Временный исполнительный комитет съезда чехословацких военных делегатов, который постановил не сдавать оружия [13, с. 147]. 25 мая 1918 г. представители Чехословацкого корпуса перехватили телеграмму Л.Д. Троцкого [13, с. 11], где Совдепам предписывалось расстреливать на месте любого вооруженного чехословацкого солдата [13, с. 153]. В этот же день начались столкновения между Корпусом и советскими частями.

Никакие переговоры между советской властью и представителями Чехословацкого корпуса не приводили к урегулированию ситуации. Советская сторона настаивала на том, чтобы чехословацкие военные разоружились и сдались [13, с. 202]. Требования большевиков не были удовлетворены, и к 10 июня 1918 г. в Народном комиссариате по военным делам было принято решение прекратить с ними любые переговоры [13, с. 222].

1 июля 1918 г. народный комиссар по военным и морским делам запретил всякое передвижение чехословацких войск в сторону Мурманска и Архангельска. Нарушение должно было караться по законам военного времени [14, с. 191]. С середины июля большевики распространяли приказ, в котором предписывалось не оказывать никакого содействия французским и английским офицерам.

1. Позиция правительства Франции по проблеме Чехословацкого корпуса

Чтобы прояснить роль Франции в выступлении Чехословацкого корпуса, представляется

необходимым ответить на вопрос, было ли у французского правительства и военного командования намерение использовать Корпус на российской территории – и если да, то в какой момент и в связи с какими обстоятельствами это намерение возникло.

Еще в марте 1918 г. начальник Генерального штаба Франции, а впоследствии Верховный главнокомандующий союзными войсками во Франции Фердинанд Фош допускал участие Чехословацкого корпуса в борьбе с Центральными державами на территории России. Только в случае если использование Корпуса на месте станет невозможным, Фош предлагал отправить солдат для эвакуации в порты Владивостока и Дальнего [15]. Идею оставить Корпус в России тогда поддерживал лично Троцкий [13, с. 98]. Так появилась перспектива включения чехословацких частей в качестве костяка в новую, создававшуюся большевиками армию, что должно было помочь восстановить Восточный фронт. Такому ходу развития событий противилось руководство ЧНС [16]. Весной 1918 г. чехословацкая сторона заявляла, что солдаты и офицеры 1-го (и единственного) Чехословацкого корпуса настроены ехать во Францию, и любые остановки и задержки могли просто деморализовать контингент [17].

В коллективной ноте государств – членов Антанты № 25 союзники заявили, что контингент Чехословацкого корпуса необходимо эвакуировать из портов Мурманска и Архангельска как можно скорее [18]. В Генштабе Франции полагали, что нельзя надолго оставлять Чехословацкий корпус в портах отправки, поскольку нехватка продовольствия и общая дезорганизация могли привести к потере боеспособности [19]. В ожидании погрузки на корабли чехословацкие военные должны были обеспечивать защиту портов и Мурманской железной дороги, в этом им должны были помочь английские и французские военные [18]. Отдельно подчеркивалось, что содействие чехословацких отрядов союзникам в России носит временный характер [13, с. 130]. Из телеграммы Военного министерства Франции Жозефу Нулансу следует, что если нужды чехословацких военных по пути к северным портам должна была обеспечивать французская сторона, то за переброску Корпуса морем во Францию была ответственна Великобритания [20].

На заседании Совета министров Франции 21 мая 1918 г. было зачитано письмо, в котором от имени главы правительства Великобритании предлагалось начать формирование из Чехословацкого корпуса, который должен был базироваться в Сибири, ядра союзнической армии.

Обосновывая целесообразность своего предложения, британская сторона заявила, что транспортировка Чехословацкого корпуса во Францию потребует слишком много времени и сил. Такому повороту событий воспротивился Жорж Клемансо. Премьер-министр настаивал на переброске Чехословацкого корпуса на Западный фронт. Кроме того, он задал закономерный вопрос: давали ли чехословацкие военные согласие на то, чтобы остаться в России и биться против русских [21, р. 181]?

В связи с отсутствием согласия между союзниками в вопросе эвакуации Корпуса, 28 мая 1918 г. в Лондоне прошла англо-французская конференция. Министр иностранных дел Франции Стефан Пишон настаивал на том, что чехословацкие части, находившиеся во Владивостоке, никак нельзя там оставлять. Он подтвердил свои доводы донесениями французских агентов о том, что чехословацкие солдаты на востоке России «подвергаются большевистской заразе» [13, с. 163]. Пишон сообщил также, что руководство ЧНС не желает оставлять даже часть чехословацкой армии в Сибири, однако если Антанта признает в них союзников и обратится к ним как к самостоятельной силе, они готовы на такую жертву. Французский министр также заявил, что скорейшая транспортировка Корпуса на Западный фронт «не только избавит их от неудобств, которым они подвергаются в Сибири» [13, с. 164], но также создаст серьезные сложности для Австро-Венгрии. Пишон имел в виду то, что Австро-Венгрия уже была вынуждена убрать славянские части своей армии с Итальянского фронта, поскольку территорию Богемии захлестнули волнения, связанные с перспективой получения Чехословакией независимости [13, с. 163–164].

Британский министр иностранных дел лорд А.Дж. Бальфур в ходе переговоров заявил, что если союзники собираются рассчитывать на силы Чехословацкого корпуса в Архангельске и Мурманске, то они могут обратиться к их помощи и в Сибири. Пишон возразил, обращая внимание британской стороны на то, что на севере России «чехословаков попросили бы сражаться против немцев, а в Сибири немцев нет» [13, с. 165]. Кроме того, Пишон, называя себя убежденным защитником идеи об интервенции в Сибирь, тем не менее заявил, что французское правительство считает, что участие чехословацких войск в военном вмешательстве может попросту оказаться безрезультатным. Его поддержал посол Франции Комбон, утверждая, что чехословацкая армия слишком малочисленна и не может действовать в Сибири самостоятельно. Для успеха военных действий в этом реги-

оне нужна была помощь Японии, на которую никак не давали согласия США [13, с. 165].

Стефан Пишон просил британское правительство как можно скорее предпринять все возможные действия для эвакуации [13, с. 164]. Британская сторона сообщила, что ввиду ограниченного числа судов в период с 15 июня по 15 июля 1918 г. она сможет переправить в Ванкувер не более 5 000 чехословацких солдат, во Францию они прибудут не ранее 15 августа [13, с. 168]. Бальфур также заявил, что у союзников есть два пути: настаивать на том, чтобы Корпус совершил «половину кругосветного путешествия» [13, с. 169], либо оставить его в Сибири, где в случае воссоединения с японскими и американскими военными он явит собой серьезную силу. Кроме того, по мнению Бальфура, если в России не будет вестись никаких боевых действий, Германия сможет все свои дивизии отправить на Западный фронт. Британский госсекретарь напомнил французской стороне о том, что речь идет о чехословацких военных, находящихся восточнее Омска; а часть контингента Корпуса все-таки предполагается эвакуировать из Архангельска, чего будет достаточно, чтобы усугубить и без того сложное положение Австро-Венгрии.

Тем временем взаимоотношения союзников с большевиками становились всё более сложными, и к лету 1918 г. ситуация стала необратимой. По этой причине взгляды французской стороны претерпели некоторые изменения. Когда солдаты Чехословацкого корпуса взяли под контроль ряд городов вдоль Транссибирской магистрали, Лев Троцкий, обвиняя союзников в пособничестве контингенту Корпуса, мобилизовал на борьбу с ними Красную Армию [9, р. 89]. Французское правительство 6 июня 1918 г. заявило ЧНС, что базирующиеся в Самаре эшелоны отныне имеют своей целью не эвакуацию во Францию, а укрепление позиций на Транссибирской магистрали и подготовку к восстановлению Восточного фронта на Волге. Оставление части чехословацких войск на железной дороге преследовало цель «окончательной победы над Центральными державами» [13, с. 218].

В конце июня французский Генштаб предложил начать оказывать военную помощь всем антибольшевистским элементам в России, готовым присоединиться к Чехословацкому корпусу [22]. Там считали, что принцип невмешательства во внутренние российские дела не должен связывать власти Франции в ходе борьбы с анархией в России. Стоит отметить, что изначально позиция французской стороны состояла в том, чтобы не становиться на сторону какой-

либо политической силы [23], что подтверждало намерение Франции воевать с Германией, а не участвовать во внутривосточной борьбе в России. В то же время, по высказыванию Артура Бальфура, интервенция союзников должна была базироваться на принципе: «никакой враждебности к русской революции» [24].

Коллективной нотой Верховного совета Антанты № 31 Франция, Великобритания, Италия и Америка утвердили план интервенции в русских портах Северного Ледовитого океана. Целью объявлялась защита складов с боеприпасами в Архангельске и Мурманске. Чехословацкий корпус должен был послужить авангардом сил интервенции [25]. Содействие чехословацких частей, как отмечалось в документе, должно было сопровождаться материальной и моральной поддержкой союзников [26].

Кроме того, был решен вопрос о действиях союзников на востоке России. 2 июля 1918 г. начальник французского Генерального штаба Анри Альби указывал в своем донесении, что офицерам, находившимся при Чехословацком корпусе, официально предписано сопротивляться разоружению. В качестве предстоящих мер, которые могут быть направлены на укрепление позиций союзников в Сибири, генерал Альби предложил объединение 15 000 чехословацких солдат, находившихся во Владивостоке, с отрядами атамана Семенова, английскими, французскими, итальянскими, американскими и японскими военными [27, с. 290].

Следует отметить, что летом 1918 г. за интервенцию стало выступать и руководство ЧНС. Томаш Масарик, ранее высказывавшийся против задержки Корпуса в России, отдал контингенту Корпуса приказ оставаться в России. По мнению Масарика, действуя в интересах союзников, чехословацкие военные не должны были забывать о том, что являются вполне самостоятельной силой [13, с. 15].

Таким образом, зимой и весной 1918 г. страны Антанты рассматривали возможность интервенции в Россию прежде всего для борьбы против Германии [28]. Однако летом к целям военного вмешательства добавляется необходимость содействия Чехословацкому корпусу – как в борьбе против общего врага, так и в защите от враждебных действий большевиков [29]. Чехословацким военным в России действительно была необходима помощь Франции, поскольку продолжать борьбу самостоятельно они были не в состоянии [30].

2. Деятельность французских представителей в России

Реализацией политики правительства Франции на российской территории в середине 1918 г. за-

нимались оставшиеся в России дипломатические и военные представители: генеральный консул Фернан Гренар, посол Жозеф Нуланс, глава французской военной миссии генерал Анри Ниссель и сменивший его на этом посту генерал Жан Лавернь, а также другие члены ФРАМИС.

Прежде всего обратимся к взаимоотношениям французской стороны с советской властью, поскольку именно этот фактор зачастую влиял на способность сторон придти к соглашению.

Лев Троцкий в своих воспоминаниях крайне негативно отзывался о деятельности французских представителей: «Трудно себе представить что-либо более ограниченное, близорукое и беспомощное, чем французский мелкий буржуа в генеральской форме, или в дипломатическом сюртуке» [14, с. 203]. Но, вероятно, наибольшие сложности в коммуникации с большевиками зимой–летом 1918 г. испытывал французский посол. Очередная конфликтная ситуация с Жозефом Нулансом возникла у большевиков в связи с высадкой японского десанта во Владивостоке. Они были крайне недовольны заявлением посла о неизбежности вмешательства в российские дела в целях безопасности иностранцев, находившихся на территории России. Ответом на слова Нуланса стала достаточно категоричная по своему содержанию нота Народного комиссариата иностранных дел французскому правительству от 27 апреля 1918 г., в которой высказывалась настойчивая просьба об отозвании французского посла [31, с. 271]. Однако последний покинул Россию только осенью 1918 г.

Сам Нуланс вспоминал, что политика Совета народных комиссаров состояла в том, чтобы, несмотря на периодические просьбы союзников о содействии в борьбе против общего врага, большевики всегда «продавали» их немцам [9, р. 84]. Посол отмечал стойкую враждебность, которую Троцкий проявлял к Антанте, в то время как германскому послу Мирбаху народный комиссар противоречил не часто [9, р. 84].

Отдельно стоит сказать о сложностях, с которыми столкнулись союзники из-за приказа советской стороны о разоружении Чехословацкого корпуса. По словам Нуланса, Л.Д. Троцкий с соответствующим требованием обращался как к представителям ЧНС, так и к ФРАМИС. Параллельно большевики в категоричной манере требовали от чехословацких военных либо вступить в Красную армию, либо следовать до Владивостока без вооружения. Лев Троцкий, по словам Нуланса, заявлял, что в случае несогласия с предложенными условиями контингент Корпуса подлежит «истреблению» [9, р. 85].

После получения требований Троцкого о полном разоружении, представители союзных

миссий провели собрание по вопросу разоружения. Жозеф Нуланс писал, что большинство склонялось к удовлетворению этих требований, считая это единственным верным решением. Однако посол полагал, что сохранить оружие – это право чехословацких военных, которого никто не может их лишить. Изначально далеко не все военные атташе выразили согласие с его точкой зрения. Так, американский представитель заявил Нулансу, что риторика его была бы совсем иной, если бы дело касалось французских, а не чехословацких солдат. Посол возразил, утверждая, что не готов рисковать чехословацкими солдатами больше, чем своими соотечественниками. Нуланс вспоминал, что попытки советских властей остановить или разоружить Чехословацкий корпус неизбежно вызывали протест с его стороны. В конце концов, к его мнению присоединились американские и японские представители. На уровне правительств стран Антанты было принято решение, которое реализовывалось их представителями в России: угрозы или убеждения – любое воздействие, направленное на контингент Корпуса в связи с данным вопросом, будет рассматриваться как недружественный акт, вызванный желанием удовлетворить требования Германии [9, p. 85–86].

В руководстве ФРАМИС также осудили приказ Троцкого. Генерал Ниссель отмечал, что, требуя разоружения Чехословацкого корпуса на всем пути следования, большевики занимали откровенно враждебную позицию [32, p. 365–369]. Однако среди французских офицеров встречались и другие мнения. Сочувствовавший большевикам капитан Жак Садуль, например, считал условия Троцкого «тяжелыми, но приемлемыми» [33, с. 163].

Следует отметить, что недоверие к французским представителям демонстрировалось не только со стороны руководителей центральных органов власти советского государства, – члены местных советов также проявляли большую подозрительность. Французский лейтенант Пьер Паскаль и майор Альфонс Гине были направлены в распоряжение Чехословацкого корпуса для успокоения солдат. Паскаль вспоминал, что на пути из Петропавловска в Ишим он остановился в селе, где до этого были чехословацкие военные: «Как ответственных в какой-то степени за чехов, нас приняли очень плохо, задержали на несколько часов и допросили с пристрастием» [34, с. 494]. По пути в Москву, попав на территорию, контролируемую советами, он оказался в ситуации, похожей на арест. Его – офицера французской армии – большевики приняли за сторонника чехословацких военных. Паскаля под конвоем достави-

ли в Екатеринбург, подозревая в том, что именно его инструкции предписывали Чехословацкому корпусу вести боевые действия против большевиков. Сам Пьер Паскаль, напротив, симпатизировал советской власти, однако статус члена французской военной миссии не позволял ему заявлять о собственных симпатиях [34, с. 494–496].

С именем второго французского офицера, направленного в части Корпуса для урегулирования ситуации, связан довольно громкий скандал. Дело в том, что Альфонс Гине в обращении к Временному исполнительному комитету чехословацких войск выразил благодарность союзников Чехословацкому корпусу за восстановление Русского фронта. Он заявил, что выступление Корпуса свидетельствует о храбрости солдат и глубоком понимании ситуации. Указал Гине и на то, что отныне Франция может не поддерживать нейтральные отношения с советскими властями. Текст заявления Гине воспроизводится в телеграмме Западносибирского Совета В.И. Ленину и Я.М. Свердлову (со ссылкой на газету «Дело Сибири» от 29 июня 1918 г. № 33) [31, с. 384]. Альфонс Гине делал акцент на том, что выступление Корпуса открывает новые возможности для борьбы с Германией; тем не менее его высказывание возмутило большевиков. Гренар и Нуланс вскоре опровергли слова Гине, указывая на то, что он являлся французским офицером, а не руководителем ФРАМИС и не имел никаких полномочий делать подобные заявления.

Относительно использования Чехословацкого корпуса на территории России у французских представителей были разные точки зрения. Глава ФРАМИС Жан Лавернь довольно долго не поддерживал эту идею. Он заявлял, что Чехословацкий корпус является частью союзной армии, и признавал за ним право покинуть территорию России со своим оружием [6]. Что касается французского посла, то он, несмотря на острую необходимость пополнения боевых частей Западного фронта, принимал необходимость использования Чехословацкого корпуса на Севере или Востоке страны [9, p. 83].

Рассматривая вопрос об ответственности за чехословацкое выступление, важным представляется обратиться к оценкам, которые давали представители сторон конфликта. В ходе мирных переговоров в Омске между большевиками и чехословацкими представителями один из чешских делегатов заявил, что события приобрели такой страшный поворот в том числе потому, что в распоряжение Корпуса вовремя не прибыли члены французской миссии. «Мы чувствовали себя покинутыми, вследствие чего создалось недоверие ко всем, которое трудно рас-

сеять» [35]. Иван Маркович, член ЧНС, среди причин возникновения антибольшевистских настроений в Корпусе называл влияние русских офицеров и, возможно, некоторых представителей ФРАМИС. Однако важнейшим фактором, повлекшим за собой конфликт, Маркович считал усугублявшееся состояние вражды с большевиками [36]. Прокоп Макса считал выступление Корпуса в Челябинске большой ошибкой. От имени Томаша Масарика он призывал немедленно прекратить военные действия. По словам Максы, этого же от Чехословацкого корпуса требовали и представители ФРАМИС [13, с. 183].

Что касается советских представителей, то они обвиняли в случившемся не только Францию и Великобританию. Троцкий, например, на заседании ВЦИК IV созыва 4 июня 1918 г. утверждал, что провокаторами явились правые эсеры и меньшевики [14, с. 70]. А в ходе своего доклада на народном собрании в Сокольниках 9 июня 1918 г., Троцкий в числе виновных назвал также русских офицеров, французских и английских представителей [14, с. 90]. Основной причиной выступления Корпуса Троцкий, как уже упоминалось, считал заминку с эвакуацией чехословацких частей, спровоцированную правительствами Франции и Англии. Именно поэтому, по мнению наркома, солдат Чехословацкого корпуса охватило недовольство, они поверили в то, что большевики хотят передать их Германии и Австро-Венгрии. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин в целом выражал с Троцким согласие. Ленин говорил, что идут против рабоче-крестьянского правительства не чехословацкие солдаты, а «империалисты» и контрреволюционные силы. Причем среди «империалистов» числились и французские, и британские, и немецкие представители [37, с. 426].

Жозеф Нуланс утверждал, что Чехословацкий корпус начал боевые действия против большевиков только тогда, когда появилась реальная угроза их разоружения и остановки [9, р. 87]. Это многократно подтверждается заявлениями членов ЧНС [36]. Посол полагал, что именно приказы и распоряжения Троцкого спровоцировали контингент Корпуса на вооруженную борьбу с советским правительством [9, р. 88].

На упомянутых выше мирных переговорах в Омске дискуссия на тему поиска причин и виновных в чехословацком выступлении носила довольно острый характер. Французские представители, присутствовавшие в качестве посредников, сообщили, что считают столкновения между большевиками и частями Корпуса недоразумением и что единственной целью че-

хословацких военных по-прежнему является эвакуация во Францию. Причиной выступления, как заявили французские делегаты, стал приказ о сдаче оружия, условия которого чехословацкие солдаты просто не могли выполнить, ввиду опасений подвергнуться нападению на пути следования со стороны бывших военнопленных из Центральных держав. Председатель Омского Совета В.М. Косарев сослался на поддержку контингентом Чехословацкого корпуса вновь созданного Сибирского правительства и поинтересовался, считает ли ФРАМИС такие действия допустимыми. В ответ на предъявленные претензии французский представитель заявил, что действия чехословацких военных были продиктованы только желанием как можно скорее эвакуироваться из России. С другой стороны, французские делегаты отказались оправдывать вмешательство чехословацких военных в русские дела. Обсуждался и вопрос о воззвании, с которым Прокоп Макса, находясь под арестом в Москве, 29 мая 1918 г. обратился к Корпусу. Суть его телеграммы заключалась в призыве сдать оружие. Со ссылкой на ФРАМИС Макса просил чехословацких солдат принять последствия своих ошибок [13, с. 209]. Большевики были крайне недовольны тем, что Максу после данного воззвания командный состав Корпуса (имелись в виду заявления Радолы Гайды) назвал провокатором, на что представитель ФРАМИС заявил, что Гайда не имел полномочий делать призывы против советской власти и что он должен быть немедленно отстранен [35].

Французские делегаты считали важным прекратить враждебные действия, для чего просили предоставить ФРАМИС возможность проследовать в Челябинск для урегулирования вопроса с Временным исполнительным комитетом чехословацких войск. Относительно разоружения Чехословацкого корпуса французская сторона предлагала два пути решения проблемы: разоружить Чехословацкий корпус, если советское правительство готово обеспечить его безопасность, или оставить оружие чехословацким военным, которые, в свою очередь, воздержатся от вмешательства в русские дела. Большевики заявили, что контингенту Корпуса они не доверяют и никакие гарантии невмешательства с чехословацкой стороны не могут быть приняты [35].

Важно, что в ходе переговоров за отправную точку было взято мнение о том, что ФРАМИС желает как можно скорее исчерпать конфликт, который вызван, скорее, рядом субъективных моментов, далеко не всегда отражающих общее настроение в рядах Чехословацкого корпуса. Так, например, А.Г. Шлихтер, представитель советской стороны, обвинял чехословацких де-

легатов в том, что они идут против требований ФРАМИС, тем самым демонстрируя, что действуют по указаниям из Германии [35]. Обвинение в сотрудничестве с врагом кого бы то ни было – стандартный и привычный ход для советской власти. Однако в этом случае внимание привлекает тот факт, что товарищ Шлихтер противопоставил законные требования ФРАМИС враждебным действиям Германии. Таким образом, на переговорах в Омске никаких конкретных упреков в разжигании среди чехословацких солдат воинственных настроений и тем более в организации выступления в адрес французской стороны не прозвучало.

Подводя итог, следует отметить, что события, связанные с чехословацким выступлением, развивались стремительно и стихийно, часто вне зависимости от воли французских и советских представителей. Тем не менее представляется важным выделить наиболее острые и важные моменты в ходе развития этих событий.

Зимой 1917–1918 гг., после принятия Чехословацкого корпуса в ряды французской армии, единственной целью как правительства Франции, так и ЧНС была эвакуация Корпуса на Западный фронт, где ощущалась острая нехватка войск. Однако у союзников возникли серьезные проблемы с судами для перевозки солдат. В апреле 1918 г. на заседании Совета министров Франции премьер-министр Жорж Клемансо сообщил о том, что прибывший во Владивосток Чехословацкий корпус (вероятно, речь идет только о части военных) готов отправиться на Западный фронт. В свою очередь, президент Франции Раймон Пуанкаре выразил большие сомнения в том, что удастся найти подходящие корабли для транспортировки Корпуса [21, р. 124]. Фердинанд Фош также отмечал, что отсутствие кораблей необходимого водоизмещения лишает союзников возможности своевременно решить проблему с транспортировкой Корпуса [38]. Троцкий заявлял, что именно задержка эвакуации спровоцировала столь серьезный конфликт между Чехословацким корпусом и большевиками. Информацией о причинах отсутствия кораблей и, как следствие, действий по эвакуации контингент Корпуса не обладал. Вместе с тем солдаты сталкивались с различными сложностями бытового характера, что привело к нарастанию пессимистических настроений [34, с. 494]. Обвинение Л.Д. Троцкого в адрес французской стороны в непредоставлении кораблей для эвакуации справедливо лишь отчасти, поскольку транспортировку Корпуса во Францию должна была обеспечить Великобритания. Французское правительство, как следует из стенограммы англо-французской

конференции в Лондоне, последовательно и настойчиво старалось обеспечить эвакуацию Чехословацкого корпуса.

К июлю, когда отношения между Совнаркомом и правительствами Франции и Англии значительно ухудшились, со стороны Франции все чаще звучали обвинения в адрес советских представителей в том, что они потакали требованиям Германии. В этих условиях Франция постепенно отказалась от идеи поддержания хороших взаимоотношений с большевиками. Политика сторон становилась всё более враждебной по отношению друг к другу. Тем не менее на данном этапе основной целью французского правительства на территории России по-прежнему была борьба не с советской властью, а с общим и главным врагом – Германией.

Члены ФРАМИС не являлись организаторами выступления Корпуса. Среди корреспонденции из Генерального штаба и правительства Франции, а также документации Высшего совета Антанты не обнаружено информации, которая доказывала бы соответствующие распоряжения французским представителям в России. Кроме того, стоит отметить общую растерянность, которая царила во французском посольстве и ФРАМИС после случившегося. Чехословацкий корпус выступил, не повинаясь воле союзников, а вопреки ей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «От интервенции к признанию: «русская» политика Французской Республики в 1917–1924 гг.» №18-09-00498 А.

Список литературы

1. Белковец Л.П. Борьба Советской России за выход из мировой войны // Genesis: исторические исследования. 2015. № 5. С. 103–192.
2. Калашников В.В. Иностранная интервенция как фактор Гражданской войны в России // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб.: Из-во СПбГЭТУ, 2014. С. 43–56.
3. Скрябин В.С. Мятёжный корпус // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1993. № 1 (5). С. 29–40.
4. Соколов Б.Л. Чехословацкий легион: освободители или агрессоры? К вопросу о характере участия Чехословацкого легиона в иностранном военном вторжении (интервенции) 1918–1920 годов // Свободная Мысль. 2018. № 1 (1667). С. 37–52.
5. Валиахметов А.Н. Выступление чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) // Филология и культура. 2012. № 3. С. 207–210.
6. Галкина Ю.М. Позиция французской военной миссии в России в марте–августе 1918 г. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 271–281.

7. Камынин В.Д., Костогрызов П.И. Роль чехословацкого восстания в организации иностранной интервенции в России весной – летом 1918 г. // Известия УрФУ. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 8. № 4. С. 6–13.
8. Шишкин В.И. Дипломатическая составляющая генезиса широкомасштабной гражданской войны на Востоке России (конец мая – начало июня 1918 г.) // Сборник трудов конференции IV Ядринцевские чтения. Омск, 30–31 октября 2017 г. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017. С. 74–77.
9. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique: 1917–1919. T. 2. Paris: Librairie plon, 1933. 302 p.
10. Инструкция Военного министерства Франции от 7 февраля 1918 г. // Service historique de la Défense (SHD) 17 N, 621.
11. Записка Т. Масарика от 3 марта 1918 г. // SHD 17 N, 621.
12. Письмо доктора Марковича от 14 июля 1918 г. // SHD 17 N, 621.
13. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы в 2 т. Т. 2 / Под ред. А.Н. Артцова и др. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
14. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. В 3 т. Т. 1. 1918 год. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 445 с.
15. Телеграмма Ф. Фоша от 21 марта 1918 г. // SHD 16 N, 3023.
16. Телеграмма из Военного министерства Франции от 28 марта 1918 г. // SHD 16 N, 3023.
17. Нота генералу Спиреру, март 1918 г. // SHD 16 N, 3023.
18. Нота союзников № 25 от 27 апреля 1918 г. // SHD 4 N, 6.
19. Телеграмма генерального штаба армии Франции от 26 мая 1918 г. // SHD 4 N, 2.
20. Телеграмма французскому послу в Вологде. 10 мая 1918 г. // SHD 16 N, 3001.
21. Poincaré R. Au service de la France neuf années de souvenirs. X, Victoire et armistice, 1918. Paris: Librairie plon, 1933. 468 p.
22. Краткий обзор ситуации в Сибири. Генеральный штаб Франции, 28 июня 1918 г. // SHD 6 N, 232.
23. Телеграмма Генерального штаба Франции. 5 июля 1918 г. // SHD 16 N, 3001.
24. Декларация, Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). URSS 1918–1929. Vol. 205.
25. Анализ ситуации, связанной с чехословацким корпусом в России и в Сибири. Генеральный штаб Франции, 19 июня 1918 г. // SHD 6 N, 232.
26. Нота союзников № 31 от 3 июня 1918 г. // SHD 4 N, 6.
27. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири. Берлин, 1930. 137 с.
28. Проекты нот Антанты от 22 и 23 мая 1918 г. // SHD 4 N, 2.
29. Записка // SHD 17 N, 621.
30. Приложение к ноте от 2 июля 1918 г. Генеральный штаб Франции, 5 июля 1918 г. // SHD 6 N, 232.
31. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 1. / Под ред. И.Н. Земскова и др. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. 772 с.
32. Niessel A. Le triomphe des bolchéviki et la Paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917–1918. Paris: Librairie plon, 1940. 380 p.
33. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М.: Книга, 1990. 400 с.
34. Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург: ГОИЗО, 2014. 592 с.
35. ГАРФ. Ф. Р5871. Оп. 1. Д. 90.
36. Письмо доктора Марковича от 14 июля 1918 г. // SHD 17 N, 621.
37. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963. 620 с.
38. Нота в Генеральный штаб Франции. 22 марта 1918 г. // SHD 16 N, 3023.

FRENCH MILITARY MISSION TO RUSSIA AND THE REVOLT OF THE CZECHOSLOVAK LEGION

E.P. Feskova

The author has carried out a comparative historical analysis of the source base on the activities of French military attachés in Russia in connection with the uprising of the Czechoslovak Legion. Based on archival documents (first of all, previously unpublished documents from the Archive of the French Defence Historical Service), it was concluded that there are no proofs of French control over the actions of Czechoslovak soldiers against the Bolsheviks in May 1918. In view of the need for reinforcements on the Western Front in winter and spring of 1918, the main purpose of France was to transport the Czechoslovak military personnel to Europe.

Keywords: French military mission, revolt of the Czechoslovak Legion, Russian Civil War, Triple Entente, allied intervention.

References

1. Belkovec L.P. Bor'ba Sovetskoj Rossii za vyhod iz mirovoj vojny // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 5. S. 103–192.
2. Kalashnikov V.V. Inostrannaya intervenciya kak faktor Grazhdanskoy vojny v Rossii // Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy istorii i istoriografii. SPb.: Izvo SPBGETU, 2014. S. 43–56.
3. Skrobov V.S. Myatezhnyj korpus // Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 1993. № 1 (5). S. 29–40.
4. Sokolov B.L. Chekhoslovackij legion: osvoboditeli ili agressory? K voprosu o haraktere uchastiya

- Chechoslovackogo legiona v inostrannom voennom vtorzhenii (intervencii) 1918–1920 godov // Svobodnaya Mysl'. 2018. № 1 (1667). S. 37–52.
5. Valiahmetov A.N. Vystuplenie chechoslovackogo legiona v mae 1918 g.: «zagovor Antanty» ili «myatezh protiv soyuznikov» (zarubezhnaya istoriografiya) // Filologiya i kul'tura. 2012. № 3. S. 207–210.
6. Galkina Yu.M. Poziciya francuzskoj voennoj missii v Rossii v marte–avguste 1918 g. // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 4 (157). S. 271–281.
7. Kamynin V.D., Kostogryzov P.I. Rol' chechoslovackogo vosstaniya v organizacii inostrannoj intervencii v Rossii vesnoj – letom 1918 g. // Izvestiya UrFU. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2013. T. 8. № 4. S. 6–13.
8. Shishkin V.I. Diplomaticeskaya sostavlyayushchaya genezis shirokomasshtabnoj grazhdanskoj vojny na Vostoke Rossii (konec maya – nachalo iyunya 1918 g.) // Sbornik trudov konferencii IV Yadrincevskie chteniya. Omsk, 30–31 oktyabrya 2017 g. Omsk: Omskij gosudarstvennyj istoriko-kraevedcheskij muzej, 2017. S. 74–77.
9. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique: 1917–1919. T. 2. Paris: Librairie plon, 1933. 302 p.
10. Instrukciya Voennogo ministerstva Francii ot 7 fevralya 1918 g. // Service historique de la Défense (SHD) 17 N, 621.
11. Zapiska T. Masarika ot 3 marta 1918 g. // SHD 17 N, 621.
12. Pis'mo doktora Markovicha ot 14 iyulya 1918 g. // SHD 17 N, 621.
13. Cheshsko-slovackij (Chechoslovackij) korpus. Dokumenty i materialy v 2 t. T. 2 / Pod red. A.N. Artizova i dr. M.: Kuchkovo pole, 2018. 1024 s.
14. Trockij L.D. Kak vooruzhalas' revolyuciya. V 3 t. T. 1. 1918 god. M.: Vysshij voennyj redakcionnyj sovet, 1923. 445 s.
15. Telegramma F. Fosha ot 21 marta 1918 g. // SHD 16 N, 3023.
16. Telegramma iz Voennogo ministerstva Francii ot 28 marta 1918 g. // SHD 16 N, 3023.
17. Nota generalu Spiersu, mart 1918 g. // SHD 16 N, 3023.
18. Nota soyuznikov № 25 ot 27 aprelya 1918 g. // SHD 4 N, 6.
19. Telegramma general'nogo shtaba armii Francii ot 26 maya 1918 g. // SHD 4 N, 2.
20. Telegramma francuzskomu poslu v Vologde. 10 maya 1918 g. // SHD 16 N, 3001.
21. Poincaré R. Au service de la France neuf années de souvenirs. X, Victoire et armistice, 1918. Paris: Librairie plon, 1933. 468 p.
22. Kratkij obzor situacii v Sibiri. General'nyj shtab Francii, 28 iyunya 1918 g. // SHD 6 N, 232.
23. Telegramma General'nogo shtaba Francii. 5 iyulya 1918 g. // SHD 16 N, 3001.
24. Deklaraciya, Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). URSS 1918–1929. Vol. 205.
25. Analiz situacii, svyazannoj s chechoslovackim korpusom v Rossii i v Sibiri. General'nyj shtab Francii, 19 iyunya 1918 g. // SHD 6 N, 232.
26. Nota soyuznikov № 31 ot 3 iyunya 1918 g. // SHD 4 N, 6.
27. Saharov K.V. Cheshskie legiony v Sibiri. Berlin, 1930. 137 s.
28. Proekty not Antanty ot 22 i 23 maya 1918 g. // SHD 4 N, 2.
29. Zapiska // SHD 17 N, 621.
30. Prilozhenie k note ot 2 iyulya 1918 g. General'nyj shtab Francii, 5 iyulya 1918 g. // SHD 6 N, 232.
31. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. V 24 t. T. 1. / Pod red. I.N. Zemskova i dr. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1957. 772 s.
32. Niessel A. Le triomphe des bolchéviks et la Paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917–1918. Paris: Librairie plon, 1940. 380 p.
33. Sadul' Zh. Zapiski o bol'shevistskoj revolyucii (oktyabr' 1917 – yanvar' 1919). M.: Kniga, 1990. 400 s.
34. Paskal' P. Russkij dnevnik 1916–1918. Ekaterinburg: GONZO, 2014. 592 c.
35. GARF. F. R5871. Op. 1. D. 90.
36. Pis'mo doktora Markovicha ot 14 iyulya 1918 g. // SHD 17 N, 621.
37. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1963. 620 s.
38. Nota v General'nyj shtab Francii. 22 marta 1918 g. // SHD 16 N, 3023.